
С. А. ВАСИЛЬЕВА

**РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКИХ ПРОТЕСТАНТОВ
XVIII ВЕКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ**

В статье рассматривается проблема переосмысления феномена наказания в теологических доктринах английского протестантизма в XVIII веке. Представлены укрепившиеся в зарубежной научной литературе противоположные концепции, которые объясняют теологические и политические причины реформы английского уголовного правосудия. Автор убежден, что социально активные представители различных течений английского протестантизма экстраполировали свои религиозные воззрения на систему исполнения наказаний, в результате чего был заложен гуманистический фундамент пенитенциарных реформ как Великобритании, так и континентальной Европы.

Ключевые слова: Англия, «Религиозное общество друзей», пенитенциарная реформа, смертная казнь, протестантизм.

Кардинальные изменения в системе английского уголовного правосудия XVIII столетия неоднократно становились предметом научного исследования. В русскоязычной литературе детально изучен преимущественно правовой дискурс эпохи «Кровавых кодексов», подробно описан юридический механизм ограничения смертной казни как самого популярного вида уголовного наказания. В англоязычной же научной литературе количество исследований данного вопроса с точки зрения истории права едва ли уступает по масштабам исследованиям теологической природы рассматриваемой проблемы. Все многообразие взглядов исследователей на глубинные богословские причины изменений в системе правосудия и исполнения наказаний уместается между двумя противоположными концепциями.

Первая совместима с классическими взглядами на век Просвещения и постепенную секуляризацию основных областей человеческой деятельности: науки, культуры, семьи, права. В рамках данной позиции принято считать, что проникновение идей Просвеще-

ния в область богословия и переход к рационалистической теологии привели к смене парадигмы уголовного правосудия. В предыдущую эпоху виселица рассматривалась в качестве пролога небесной кары для грешников, отправной точки адских мук, сулимых Священным Писанием. Публичность казни, эшафот – как визуализация божественного правосудия, осуществляемого земными судьями, – служили недвусмысленным уроком для общества, инструментом запугивания и социального сдерживания. Британский исследователь Р. Макгоуэн, проанализировав содержание судебных приговоров и протоколов заседаний суда присяжных с 1600 по 1700 годы, пришел к выводу об установившемся в ту эпоху тесном сотрудничестве церкви и государства в области уголовного правосудия, когда «божественная справедливость служила нормативной моделью человеческой справедливости» (McGowen 1987–1988: 193). Наследием правовой традиции Средневековья было постоянное обращение при назначении наказания в виде смертной казни к авторитету Откровения: «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою» (Откр. 21:6–8) либо Исхода: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12), «а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Там же: 23–25). Это самое распространенное теологическое обоснование права государства и общества на возмездие, оправдание жестокости земного наказания: «ибо возмездие за грех – смерть» (Рим. 6:23).

Однако со временем формирующаяся рационалистическая теология протестантов подвергла сомнению учение о «вечном наказании грешников», характерное для средневековой правовой традиции. «Разумность христианства», к которой призывал англичан еще Дж. Локк, проникала во все сферы общественной жизни, в том числе в область правосудия. По замечанию Дж. Тревельяна, в XVIII веке «приверженцы нового пуританизма... старались применять милосердие Нового Завета, вместо грубых наставлений Ветхого, с которыми шли в битву войска Кромвеля» (Тревельян 2002: 375). Подобное смещение акцентов с божественной кары на божью милость детально исследовано Макгоуэном в работе «Изменение лица Божьего возмездия», где автор приходит к следующему выводу: «В век науки и разума жестокое наказание кажется несовместимым с “разумностью” Бога... В опасении, что суровость

и безысходность этого постулата породят большое количество сомневающихся, государство и церковь предпочли сместиться с позиции воплощения божественного возмездия в сторону олицетворения божественной благосклонности» (McGowen 1988: 93). В содержание судебных постановлений английской уголовной практики XVIII века все чаще вводятся постулаты Нового Завета, как то: «Будьте милосердны, как и Отец Ваш милосерд» (Лк. 6:36); «Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:18); «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Там же: 12:6).

Смену религиозного дискурса проблемы смертной казни в Англии XVIII столетия можно наглядно представить на примере теологических доктрин протестантов «Религиозного общества друзей», более известных как квакеры. Основу духовного учения квакеров составляет «опыт внутреннего света» – вера в то, что «частица Бога» существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности, а также (что имело определяющее значение!) от нравственного облика. Именно «внутренний свет» дает возможность даже самому закоренелому преступнику, как бы глубоко он ни погряз в грехах и преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. Смертная казнь с точки зрения бессмертности души – худшее, что может сделать человек с человеком, так как лишает его возможности искупления своего греха в этой жизни. Призывая к возвращению духа и практики жизни раннего христианства, квакеры стремились к утверждению принципов бытия, дарованных Новым Заветом: долготерпения, прощения и человеколюбия. Закон Моисея, подчеркивали теологи «друзей», использовался в Средневековье для оправдания жестокости земного наказания как пролога Божьего Суда; в свою очередь, евангельская вера, предполагая полное равенство всех перед Богом, обещает возможность спасения для каждого.

Члены «Религиозного общества друзей» обладали высокой социальной активностью, что позволяло им привносить свои взгляды в различные сферы общественной жизни – от народного образования до уголовного правосудия. «Правила поведения религиозного общества друзей», изданные большим тиражом в качестве материала для бесед и проповедей с членами общины, предлагали поразмыслить над ролью судьи, приговаривающего к высшей мере, с точки зрения христианства: «Человек, таким образом, обязуется

определять момент, в котором его ближний должен прекратить существование в этом мире; тем самым вся возможность для раскаяния утрачивается... В результате стечения обстоятельств: законов и рокового решения человека, склонного к ошибке, перед Божьим Судом может раньше положенного времени оказаться человек, не достигший земного покаяния. Эта проблема требует серьезнейшего внимания, и братьям рекомендуется, руководствуясь мудростью, способствовать изучению данного вопроса на уровне государственных умов, чтобы ускорить тот день, когда наказание смертной казнью полностью отменяют» (Religious... 1834: 345). В этой связи любопытен прецедент – указание американского судьи Верховного суда Джозефа Стори исключать квакеров из коллегий присяжных, рассматривавших преступления, за которые закон предусматривал высшую меру, так как вера «друзей» не позволяла им выносить обвинительный вердикт. Он объяснял свою позицию тем, что «они (*квакеры*), руководствуясь принципами Закона Божьего, никогда не вынесут справедливого вердикта там, где преступление по земным законам заслуживает смертной казни» (Haney 1984: 154). Религиозные принципы квакеров отрицали саму возможность морального права служителя закона приговаривать к смертной казни: «Отнять жизнь у человека, даже руководствуясь законами правосудия, противоречит духу и букве евангельской веры». Смертный приговор в глазах «друзей» выглядел как «узурпация прерогативы Всевышнего» (Religious... 1834: 346).

В качестве альтернативы «вечному наказанию» для грешников протестанты предлагали возможность спасения через покаяние и возвращение в общество. Провозглашая «Евангелие моральной честности», квакеры рассматривали сострадание и сочувствие как основные признаки цивилизованности. В соответствии с их убеждениями только коренное перевоспитание может открыть заблудшему в пороке преступнику приемлемые стандарты поведения в цивилизованном обществе. Исходя из этого, искупление требует глубокого и длительного по времени раскаяния, возможного в условиях реформированного тюремного заключения. Взгляды протестантов-квакеров являются показательным примером, свидетельствующим об изменении богословского истолкования и применения Откровения в отношении целей уголовного наказания. Вера в догматы уступает рационалистическому желанию жить в обществе, где царят порядок и мораль. Таким образом, для представителей эпохи Просвещения богословский дискурс правосудия

уже состоял не в применении Слова Божьего для оправдания смертной казни как ритуала возмещения и символического возврата ущерба, причиненного преступлением, а в актуализации положения «через покаяние обретается прощение» в отношении уголовных наказаний. Итогом этого идеологического этапа борьбы за реформу уголовного правосудия стал постепенный переход от эшафота как сдерживающего фактора преступности к пенитенциарной системе, главной целью которой стала задача исправления и реабилитации правонарушителя.

Противоположная точка зрения (в противовес вышеизложенной условно назовем ее неклассической) предлагает рассматривать XVIII столетие как эпоху «Кровавых кодексов» и регресса в системе правосудия, причиной которых стала реакция церкви на возрастающую секуляризацию и утрату авторитета религии во всех социальных сферах. Юридическая парадигма смертной казни в Англии представлена резкой эскалацией применения данного вида наказания, что, по мнению отечественных правоведов, являлось следствием реакции государства на рост социальной напряженности в период особенно бурного развития английской промышленности (Тепляшин 2005). Богословская интерпретация резко возросшего применения смертной казни, сформировавшаяся в основном в зарубежных исследованиях, определяет данный феномен «как арьергардные действия (или реакция) религии в контексте модернизации». А. Кришер убежден, что идеология протестантов, не признававшая католический догмат о чистилище, рассматривала смертную казнь как символ земного чистилища, ввиду чего стала серьезным препятствием к отмене смертной казни в Англии еще в начале XIX столетия (Krischer 2012).

В эпоху «Кровавых кодексов» парламент продолжал добавлять статут за статутом в длинный список преступлений, караемых смертной казнью, в результате чего к началу XIX века их число достигло почти 200. Вместе с тем, по свидетельству Тревельяна (2002: 376), «следствием возрастающей строгости законов в этом постепенно становившемся более гуманным веке было то, что присяжные часто отказывались признавать людей виновными в небольших преступлениях, которые привели бы их на эшафот». Так, в Лондоне с 1749 по 1772 годы было приговорено к смертной казни 1 тыс. 121 человек, из них действительно казнено 678 человек (Кистяковский 1867). Известный английский правовед У. Блэкстон в «Комментариях к законам Англии» (1765 год) приводит пример, ко-

гда английские присяжные при решении дел о воровстве в 40 шиллингов, за которое закон грозил смертной казнью, объявляли, что обвиняемый виновен в воровстве 39 шиллингов, чтобы таким образом избавить его от смертной казни. В такой ситуации наиболее ортодоксальные представители английского пуританизма заняли непримиримо жесткую позицию в отношении отсрочки или отмены исполнения полагаемого наказания. Бытовавшая в XVIII столетии протестантско-кальвинистская догма об изначальной избранности одних и вечном проклятии, predeterminedенном другим, позволяла рассматривать жестокость наказания как очищение от преступления, искупление вины и примирение с Богом. В 1784 году британский священник Мартин Мадан, близкий к кальвинистскому вероисповеданию, выпустил брошюру «Размышления об исполнительном правосудии». Он призывал к ужесточению наказания за нарушение уголовных законов: «Предупреждение преступлений является желанным итогом суровой юридической процедуры (смертной казни. – С. В.): допуская эту суровость в отношении виновного, законодатель не имеет другого намерения, кроме удержания от подобного преступления других, именно так достигая профилактической цели. Если не следовать этому до конца, смысл приговора будет утрачен, наказание станет бесполезным, и, в то же время, свершится несправедливость в отношении потерпевшей стороны. Но если суровая справедливость настигнет виновных, они, расплачиваясь за свое насилие и беззаконие, примером своих страданий послужат двум великим целям уголовного права: предотвращение подобного зла и гарантия безопасности обществу» (Madan 1785: 11). Для Мадана любая форма помилования – извращение Божьего повеления. Известный аболиционист смертной казни С. Ромилли, характеризуя эффект, который возымело опубликование этого труда, обратился к цифрам: в 1783 году, за год до издания, в Лондоне был казнен 51 преступник, в 1785 году – 97, т. е. почти вдвое больше! (Romilly 1841: 65.)

Учение Мадана и его единомышленников о вечном наказании – неотъемлемая часть теологии судебного разбирательства, через которое религия была непосредственно вплетена в уголовное право: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13:4). Мадан выразил протест против пересмотра самой идеи наказания и попыток наполнить ее гуманистическим содержанием. Любые отсрочки в

исполнении приговора трактовались им как нарушение принципа возмездия, а значит, и божественного порядка.

Воспользовавшись образом Тревельяна, отметившим, что в XVIII столетии «пуританский котел кипел очень бурно», попробуем объединить обозначенные выше концепции единым выводом. Английская реформа уголовного правосудия, в отличие от ее континентальных последователей, испытала сильнейшее влияние религиозного «брожения» различных течений английского протестантизма. Теологические доктрины варьировали в зависимости как от социальной ниши, которую занимали адепты того или иного течения, так и от отношения к государственной власти. Например, квакеры, которые имели весьма обширный опыт тюремного заключения, акцентировали внимание на реформировании тюремного содержания на основе евангельских идеалов милосердия и всепрощения. Методисты, охватившие своими проповедями крестьян, ремесленников, рабочих, обитателей «дна», «объединили новый евангелизм и активную филантропию», чем привнесли в реформу уголовных наказаний основы тюремной благотворительности и пастырского служения среди арестантов. Кальвинизм и близкие к нему течения пуританизма упрочили принципы самодисциплины и истинного религиозного рвения, ввиду чего их вклад в изменение системы наказаний в XVIII столетии часто расценивают как уже-сточение, или регресс.

Английская пенитенциарная реформа, испытав множество влияний – от жарких политических дебатов вокруг уголовного законодательства до теологических споров о праве человека на «пре-рогативу Всевышнего», – все же была первой в Европе. Континентальные пенитенциарные реформы придерживались курса, проложенного английскими законодателями, во многом калькируя те принципы, которые были сформированы в XVIII столетии в острой идеологической и теологической полемике, не испытали такого мощного религиозного давления и практически не вышли за рамки государственного политического курса. Что касается Великобритании, то накопленный к тому времени полувековой опыт реформы уголовного правосудия и широкая общественная поддержка позволяли ей чувствовать себя признанным лидером и даже учителем в пенитенциарном деле на протяжении всего XIX столетия.

Литература

Кистяковский, А. Ф. 2000. *Исследование о смертной казни*. Воспроизводится по изданию 1867 г. Киев. Тула: Автограф.

Тепляшин, П. В. 2005. *Истоки и развитие английского тюрьмоведения*. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России.

Тревельян, Дж. М. 2002. *Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории*. Смоленск: Русич.

Haney, C. 1984. *Epilogue: Evolving Standards and the Capital Jury*. *Law and Human Behavior* 8(½): 153–158.

Krischer, A. 2012. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment. *Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches*. Washington; Baltimore, pp. 85–99.

Madan, M. 1785. *Thoughts on Executive Justice, with Respect to Our Criminal Laws, Particularly on the Circuits. Dedicated to the Judges of Assize; and Recommended to the Perusal of All Magistrates; and to All Persons Who are Liable to Serve on Crown Juries*. London.

McGowen, R.

1987–1988. “He Beareth Not the Sword in Vain”: Religion and the Criminal Law in Eighteenth-Century England. *Eighteenth-Century Studies* 21(2): 192–211.

1988. The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England. *Criminal Justice History* 9: 63–98.

Religious Society of Friends, Rules of Discipline of the Religious Society of Friends, with Advices: Being Extracts from the Minutes and Epistles of Their Yearly Meeting, Held in London, from its First Institution. 1834. 3rd ed.: London: Darton and Harvey.

Romilly, S. 1841. *Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himself*. Vol. I. London: John Murray.